

Лишь в другом месте Хэ Янься испытывала чувства, совершенно не похожие на те, что владели Му Цзышань. Сама Му Цзышань не знала, но Хэ Янься с давних пор привыкла держать людей на почтительном расстоянии; даже предаваясь утехам с наложницами в собственных покоях, она не желала целоваться с ними. Однако только что она так естественно поцеловалась с Му Цзышань и не почувствовала ни малейшего отторжения, а то опьяняющее до головокружения ощущение и внезапно вспыхнувший в её сердце порыв напугали её до полусмерти.

В отличие от прежних дней, сегодня Хэ Янься не выказывала ни насмешливых, ни двусмысленных улыбок — на её лице застыло редкое, суровое выражение.

Изначально цель её визита была совсем иной, но она каким-то непостижимым образом позволила себе погрузиться в это странное чувство. Она и помыслить не могла, что эта Му Цзышань заставит её потерять концентрацию, и никак не ожидала, что из-за простого поцелуя её охватит такое безрассудное состояние. Как бы то ни было, она понимала, что подобные ощущения таят в себе смертельную опасность — это было ей не по зубам.

При воспоминании о пронзительном смехе посреди того страшного пожара и безумных словах безумца хрупкое равновесие, которое она так долго поддерживала в душе, внезапно рухнуло, и её мысли заметались.

Подобные эмоции были недопустимы для неё — всегда хладнокровной и рассудительной.

И впрямь, в столь щекотливые игры ей не стоило погружаться с головой.

Глядя на Му Цзышань, которая смотрела на неё полным гнева взглядом, Хэ Янься на мгновение замерла, но в конце концов сняла с плеч собственную алую накидку, укрыла ею пленницу и покинула темницу.

Вернувшись во Дворец Цюньин, глава приказа Леянь из Зала Линбао застала картину, от которой кровь бросалась в голову: Хэ Янься сплелась в страстных объятиях со своей наложницей. Матушка Ма испуганно зажмурилась и, бормоча: «Продолжайте, глава секты, продолжайте», — поспешно выскочила из комнаты Хэ Янься.

Выйдя из просторных покоев Хэ Янься, источавших роскошь и разврат, матушка Ма долго гладила себя по груди, пытаясь перевести дыхание, и тихо ворчала, жалуясь на Хэ Янься:

— Я ведь уже старая калоша, а она заставляет меня смотреть на столь будоражающие картины! Дворцовая госпожа совсем не бережёт стариков.

Не успела она толком выговориться, как из комнаты за её спиной слышались шаги. Оглянувшись, она увидела ту самую наложницу, что только что лежала под госпожой. Девушка с пылающими щеками бросила ей: «Доброго дня, глава приказа Леянь!» — и, опустив голову, поспешно скрылась. Неподальёку от наложницы из комнаты медленно вышла и сама Хэ Янься. Она была облачена в ярко-красные, подобные огню одежды, а водопад иссиня-чёрных волос рассыпался по плечам. Заметив смертельный испуг на лице матушки Ма, она тронула губы

улыбкой. Выражение её лица было совершенно не тем, что она обычно показывала сектантам; если бы кто-то не увидел это своими глазами, он ни за что бы не поверил, что на лице Хэ Янься, внушающей ужас всему цзянху, может промелькнуть такая мягкая, нежная улыбка.

Матушка Ма с досадой вздохнула. Перепуганная выходкой Хэ Янься, она совершенно забыла, с каким срочным докладом сюда примчалась. Хэ Янься никуда не спешила: постояв в парадном зале и слегка поправив ворот одежды, она подошла к столику сбоку, налила себе вина, осушила чашу и жестом пригласила матушку Ма тоже утолить жажду.

Матушка Ма взяла стоявшей на столе чайник, налила себе чашку чаю и, сделав несколько глотков, наконец пришла в себя.

Только вдоволь повозившись, она вспомнила, зачем пришла сюда — доложить дворцовой госпоже важные новости. Достав из рукава письмо, она почтительно протянула его Хэ Янься.

Сломав печать и вынув из конверта тонкий лист бумаги, Хэ Янься пробежала его глазами, и её лицо постепенно омрачилось.

Тут же подала голос матушка Ма:

— Нынешний противник чертовски упрям и сложен, боюсь, господин Лань...

Хэ Янься глухо угукнула, но ничего больше не сказала. Матушка Ма вгляделась в её лицо, однако не смогла прочесть на нём ни единой эмоции.

Хэ Янься так долго погружённо молчала, уставившись в письмо, что, должно быть, не находила никакого толкового выхода. Если так пойдет и дальше, то весь род господина Лань ждет незавидная участь.

— Кто сейчас остался там? — помолчав добрую половину дня, наконец спросила Хэ Янься.

Матушка Ма сперва растерялась, и лишь спустя долгое время сообразила, что госпожа обращается к ней.

— Уходя, я велела передать весточку главе приказа Лэйтин, чтобы он отправился туда и присмотрел за всем. Раз господин Лань под его присмотром, пока что опасности быть не должно.

Хэ Янься тихонько отозвалась и, зажав в пальцах письмо, погрузилась в молчание.

Заметив, что выражение лица Хэ Янься не похоже на прежнее, матушка Ма вспомнила ту наложницу, что только что вышла из её покоев. Как бы ни своевольничала Хэ Янься прежде, она никогда не позволила бы себе подобного перед самым визитом подчинённых. Матушка Ма знала её уже много лет; не считая Дворцовой госпожи Ю, которая в своё время подобрала девочку, она, пожалуй, была человеком, знавшим Хэ Янься дольше всех в секте.

Но опираясь на многолетнее понимание её характера и то смятение, что то и дело проступало на её лице, матушка Ма тотчас укрепила в своей догадке.

Дворцовая госпожа редко о чём-то тревожилась, поэтому если её одолевали заботы, значит, она столкнулась с неразрешимой проблемой.

Непонятно почему матушка Ма вдруг вспомнила ходившие по Дворцу Цюньин слухи о том, что был пойман лазутчик из праведных сект. Судя по её знанию нрава госпожи, ту шпионку следовало бы разрубить на куски и бросить в реку на корм рыбам, либо же, если госпожа желала утвердить своё величие в секте, предать мучительной и страшной смерти на глазах у всех. Однако на сей раз она изо всех сил изощрялась в истязаниях над пленницей, но при этом упрямо поддерживала в ней искру жизни, не давая умереть. Более того, поговаривали, что госпожа строго-настрого приказала палачам не сметь касаться лица девчонки. Столь озадачивающий приказ изрядно беспокоил матушку Ма.

— Возвращаясь сюда, я слышала, что на этот раз госпожа поймала лазутчика? — с осторожностью поинтересовалась матушка Ма.

Стоило ей это произнести, как лицо Хэ Янься неувлимо изменилось. Предчувствие матушки Ма лишь укрепило: скорее всего, странности дворцовой госпожи были напрямую связаны с той узницей.

— Ничего особенного, я уже разбираюсь с ней, — с раздражением бросила Хэ Янься, выдержав паузу. И впрямь, в её тоне сквозило едва уловимое, спрятанное глубоко внутри нетерпение.

— Если госпожа желала утвердить свою власть, к чему было городить столь сложный огород?

Услышав это, Хэ Янься обернулась и пристально посмотрела на матушку Ма. Выражение её лица казалось куда более серьёзным, чем обычно, однако она продолжала молчать, ожидая, пока старуха договорит.

— Желай вы внушить страх людям из нашей секты, разве какие-то изощрённые пытки сравнятся с ужасным видом её мучительной смерти? — матушка Ма улыбнулась, отпила из чаши глоток чая, смочила горло и продолжила: — Задумай вы предать её кошмарной казни, у вашей старухи найдется сотня и тысяча способов. Сдирание кожи, разрезание пополам наотмашь, извлечение всех внутренних органов или варка в котле с кипящим маслом — что из этого не лучше нынешних хлопотных и неблагодарных истязаний?

Перечисляя столь жуткие казни, матушка Ма сохраняла безмятежный вид, словно уличный сказитель, рассказывающий забавную байку. На лице же Хэ Янься отразилось отвращение; стоило ей мысленно представить эту картину, как её сердце вновь затрепетало, и она махнула рукой, приказывая матушке Ма замолчать.

— В этом деле я сама знаю, как поступить.

На самом деле матушка Ма вовсе не желала гибели Му Цзышань столь мучительной смертью — говоря всё это, она лишь пыталась прощупать отношение дворцовой госпожи. И всё подтвердилось: госпожа наотрез отказалась принимать её предложения.

В подобных обстоятельствах оставалось лишь два объяснения. Либо она ненавидела ту девчонку до мозга костей и жаждала истязать её до полного удовлетворения, и лишь потом позволить умереть — точно так же, как в те далекие годы поступила с тем предавшим её главой приказа Лэйтин. Хэ Янься люто терпеть не могла предателей и никогда не прощала их. Матушка Ма знала её нрав: лишь тем, кому она безгранично доверяла, выпадала столь страшная участь в случае измены. Но та девчонка была всего лишь подосланной шпионкой, у Хэ Янься не было ни единой причины ненавидеть её столь люто... Значит, оставался лишь второй вариант: Дворцовая госпожа Чи просто-напросто не хотела её смерти.

Дело принимало любопытный оборот.

При этой мысли матушка Ма внезапно ощутила озорной зуд. Маленькая Хэ Янься сызмальства отличалась непреодолимой страстью к контролю над всем и вся. Даже по отношению к себе самой она не позволяла ни малейшей вольности и пресекала любые попытки перейти установленные ею границы. Люди во Дворце Цюньин досыта нагляделись на её леденящий кровь и устрашающий облик, но вряд ли хоть кто-то в целом свете видел её растерянной или смущенной. Подобная возможность выпадала разве что раз в столетие.

Во всём Дворце Цюньин вряд ли нашлся бы кто-то ещё, кроме неё самой, кто рискнул бы дразнить саму Дворцовую госпожу Чи. От этой мысли в груди матушки Ма зашевелилось смутное торжество.

— Неужто госпожа испытывает к ней жалость? — договорив, матушка Ма опустила голову, лишь бы Хэ Янься не заметила затаившейся на её губах улыбки.

— Матушка Ма, что это за речи? — Голос Хэ Янься прозвучал жестко. Услышь кто другой в секте столь яростный тон, у него наверняка от страха подкосились бы ноги. Но она отличалась от остальных: старуха едва ли не нянчила Хэ Янься с пелёнок. Прочие смертельно боялись госпожи, держались от неё подальше и потому не понимали её истинной натуры. А вот какой человек скрывался за этой маской, матушка Ма знала прекрасно.

Хотя держалась Хэ Янься внешне непреклонно, сейчас она напоминала ребёнка, которого ткнули носом в больное место — показная устрашающая грозность, за которой теплилась лишь неуверенность человека, чувствующего свою неправоту.

Ладно-ладно. Хотя она и догадалась, что на сердце у Хэ Янься сейчас скребут кошки, матушка Ма сочла, что ей всё же стоит протянуть той верёвку для спасения.

В конце концов, как бы она ни глядела на неё как на младшую, та всё-таки оставалась главой секты — следовало соблюсти приличия.

— Кхе-кхе, стара я уже стала, дни нынче холодные, а вы, госпожа, не любите разводить в покоях огонь... Я тут пару слов сказала, и в горле запершило, кхе-кхе-кхе...

Матушка Ма демонстративно закашлялась. Хэ Янься прекрасно понимала, что та ломает комедию, но не могла применить к ней ту же суровую строгость, что к остальным сектантам, и ей оставалось лишь хмуро смотреть на разыгранное представление.

Отвечать на вопросы матушки Ма она не умела, да и сама не знала ответов на собственные поступки, а потому не представляла, как вести с кем-то подобные споры. Видя этот спектакль, Хэ Янься почувствовала, как её и вовсе начинает раскалываться голова. Взмахнув рукой, она велела старухе ступать к себе и отдыхать.

Когда матушка Ма ушла, Хэ Янься осталась в комнате одна, но на душе по-прежнему было беспокойно.

Вспоминая слова матушки Ма, она не могла не признать: её собственные поступки и впрямь слишком сильно отличались от прежних. Причину же этих отличий Хэ Янься признавать категорически не желала, и звали эту причину Му Цзышань.

Тот визит к Му Цзышань затевался ради простой цели: сперва обмазать её тело нектаром черного гибискуса, а затем напустить на неё живущих во Дворце Цюньин муравьев-призраков, чтобы хорошенько попугать. Муравьи-призраки во Дворце Цюньин больше всего обожали как раз этот нектар, а их укусы причиняли невыносимую боль любому смертному. Кто бы мог подумать, что на середине дела она позабудет, зачем вообще туда явилась? А потеря рассудка в тот самый миг окончательно заставила её признать: в последнее время она и впрямь творит черт-те что, и её привычки раз за разом дают опасный крен.

Ничего приятного в подобных ощущениях не было.

Быть может, и впрямь стоило последовать совету матушки Ма — прикончить девчонку раз и навсегда, прекратив тратить время на ту, что никогда не станет молить о пощаде.

Но стоило ей вообразить вид убитой ею пленницы, как в сердце вновь закрадывались сомнения.

Это чувство было поистине странным.

С самого утра матушка Ма услышала от подчиненных новость: дворцовая госпожа вновь приказала вывесить ту девчонку на помост. Поговаривали, что госпожа намерена выпустить несколько сотен муравьев-призраков, чтобы те заживо сожрали узницу.

Челюсти муравьев-призраков были острее бритвы, а числом они могли с легкостью обглодать целого бычка. Чего только не творилось в голове у Дворцовой госпожи Чи! Сама она лишь слегка подзадорила госпожу, никак не ожидая, что та окажется столь настороженной и не потерпит рядом ничего, что хоть теоретически могло бы угрожать её хладнокровию.

Услышав это, матушка Ма поспешно натянула одежды и бросилась бегом к высокому помосту, где подвесили Му Цзышань. Та была облачена в просторные белые конопляные одежды, скованная железными цепями висела на помосте и выглядела донельзя изможденной. Рядом стояла Хэ Янься, но лицо её выглядело скверно — в ней не осталось и следа прежней непринужденности, а с губ исчезла вечная насмешливая улыбка.

А Му Цзышань... то ли её окончательно подкосили дни непрекращающихся истязаний, то ли она лишилась рассудка, но прежнего гордого вида в ней не осталось. Если раньше, как бы ни было больно, стоило появиться Хэ Янься, как она тут же принимала надменный вид, то теперь Му Цзышань походила на бездушную куклу, не выказывая ни малейшей реакции на приближение мучительницы.

Подчинённая держала в руках нанмуский ларец, полный муравьев-призраков, и испуганно спрашивала Хэ Янься, выпускать ли насекомых и бросать ли их на Му Цзышань. Хэ Янься смотрела на угасающую Му Цзышань, и вдруг в ней испарилось всякое желание продолжать измываться над ней. Она лишь махнула рукой, приказав убрать ларец.

Весь прошлый вечер Хэ Янься размышляла над словами матушки Ма и наконец под утро приняла решение. Рано утром она созвала подчиненных и велела вынести Му Цзышань на свет — сегодня она решила достать сокровища Дворца Цюньин, тайных муравьев-призраков, чтобы вдоволь поиздеваться над пленницей и отправить её на тот свет. Кто же знал, что, явившись туда, она застанет Му Цзышань при смерти. Стоило ей коснуться её тела, как она ощутила страшный жар и непрекращающуюся дрожь, а притаившие узницу сектанты в один голос заявили, что та, пожалуй, отправится к Янь-вану в подземные чертоги и без помощи муравьев.

Решение, принятое на рассвете, вновь затрепетало и поплыло в её голове, едва она увидела пленницу.

По логике вещей, в таком состоянии та уже не представляла никакого интереса для истязаний, но Хэ Янься с удивлением поняла, что вовсе не желает её смерти.

— На вид всё это сильно смахивает на семидневный ветер, — пока Хэ Янься пребывала в растерянности, подошедшая к помосту матушка Ма пощупала лицо Му Цзышань, проверила её пульс на руке и вынесла вердикт.

Старуха долгие годы скиталась по цзянху и прекрасно разбиралась в самых разных недугах, так что беглого осмотра ей оказалось достаточно.

— Семидневный ветер? — нахмурилась Хэ Янься. Название этой болезни было ей знакомо: считалось, что подхвативший её человек неизлечим и спустя считанные дни отправляется на встречу с владыкой преисподней.

Взглянув на подвешенную и изуродованную пытками Му Цзышань, Хэ Янься испытала целый коктейль чувств, и на душе у неё скребли кошки.

Если эта девчонка и впрямь через несколько дней отправится к Янь-вану, это хотя бы избавит её от терзаний: казнить её или нет.

И всё же, если та умрёт вот так просто, Хэ Янься была к этому совершенно не готова.

— Яд проникает через раны прямо в меридианы и кровь... Заболевшего скручивает дугой,

челюсти сводит, язык западает... Если не случится чуда, через пару дней отправляться ему к Янь-вану... — неторопливо вещала матушка Ма. Её размеренный тон напоминал сказителя в чайной и действовал на нервы настолько сильно, что Хэ Янься едва не сорвалась на крик.

Старуха умела читать по лицам и, заметив недовольство Хэ Янься, поспешила продолжить:

— Впрочем, мне доводилось видеть случаи, когда от этой болезни исцелялись. — Увидев нетерпение на лице Хэ Янься, матушка Ма едва сдерживала улыбку. То ли из-за этой узницы, то ли по какой-то иной причине, но в последнее время Хэ Янься казалась ей куда более забавной, чем прежде.

Хэ Янься сверлила матушку Ма взглядом, но гордость не позволяла ей потребовать, чтобы та говорила быстрее. А матушка Ма словно нарочно тянула время, растягивая каждую фразу так долго, что у Хэ Янься из глаз чуть не искры сыпались — сумей её взгляд поджигать предметы, от матушки Ма давно осталась бы горстка пепла.

Впрочем, старуха знала меру и не собиралась доводить дело до собственной кремации в огне чужой ярости. Потянув время, она перешла к сути, хотя поддразнить госпожу напоследок всё же не удержалась.

— То было... то ли на двенадцатый год Чэнси, то ли на тринадцатый, а может, и вовсе зимой четырнадцатого... — матушка Ма собиралась перебирать годы вплоть до кончины покойного императора, но, заметив почерневшее от гнева лицо Хэ Янься, благоразумно решила притормозить.

— Довелось мне случайно забредти в одну уездную деревушку. Время было позднее, я решила перезимовать там в какой-нибудь крестьянской хате, а наутро продолжить путь. Забрела в один двор, главу семейства звали то ли Эрго, то ли Гошэн — до чего же гостеприимный человек! В тот же вечер они с женой зарезали курицу, чтобы угостить меня, а какие у них были тушеные побеги тыквы... до сих пор вспоминаю — слюнки текут... Тц-тц...

У Хэ Янься на лбу запульсировала жила. Одним ударом кулака она разнесла в щепки каменный столик, стоявший у края помоста. Стол был высечен из чистейшего мрамора, и зрелище того, как человек голыми руками крошит в пыль подобную глыбу, внушало поистине неописуемый ужас. Внутренняя энергия и взрывная сила Хэ Янься пугали до дрожи в коленях.

Матушка Ма от такого удара испуганно ахнула, подумав про себя, что госпожа из уважения к ее сединам не приложила эту длань к её собственной седой голове, иначе она отправилась бы на Запад куда раньше той несчастной девчонки. Испугавшись, она тут же бросила пустые байки и перешла прямо к делу.

— Кхе-кхе... Так вот... та несчастная скотина в семье Эрго напоролась на ржавый гвоздь, а потом невесть с чего подхватила этот самый семидневный ветер. К счастью, мимо как раз проходил бродячий лекарь. Я видела, как он раскаленным на огне ножом распорол рану мальчишки, а затем залил её крепким вином... Как же орал бедняга Эрго, всю ночь напролет заливался слезами! Потом лекарь прописал ему отвары, велел отцу сходить в аптеку за снадобьем и выпаивать ребенка каждый день по порции. Правда, какие именно травы входили в сбор, старуха запомнила...

Хэ Янься с трудом подавила бурю внутри, выслушав всё, что наговорила матушка Ма, и едва не снесла второй каменный стол на другом конце помоста. Выслушав рассказ, она немедленно созвала лучших лекарей секты и потребовала назвать рецепт против семидневного ветра, но те лишь затрясли головами. Лицо Хэ Янься помрачнело еще сильнее, и несчастные, вызванные на допрос, едва не умерли на месте от ужаса перед ее взглядом.

По приказу Хэ Янься те целители стрелой помчались на поиски лекаря, способного исцелить эту хворь, боясь, что если они задержатся здесь хоть на мгновение, разгневанная госпожа скармливает их рыбкам в реке.

Плетки во Дворце Цюньин были особыми: в коровью кожу вплетали тончайшую медную проволоку. Му Цзышань изо дня в день получала удары этой плетью — раны затягивались, вновь рассекались от новых ударов и опять заживали. Услышав слова матушки Ма, Хэ Янься вспомнила прочитанные некогда трактаты и сразу сообразила: яд сего ветра попал в тело Му Цзышань именно через те раны от плетей. Во Дворце Цюньин отроду никто не заботился о том, подхватит ли наказанный какую-нибудь заразу — да и немудрено, ведь прежде еще никто из отведавших столько ударов не оставался в живых.

<http://bllate.org/book/21760/2250243>